

Д - 36

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК 892.7(091) + 82.03

ДЕРДИРОВ Михаил Фаэтович

ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И ЖАНРОВОГО
СВОЕОБРАЗИЯ АРАБСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Специальность 10.01.06 - Литература народов
зарубежных стран Азии и Африки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ленинград

1989

Диссертация выполнена на кафедре арабской филологии
восточного факультета Ленинградского ордена Ленина и орде-
на Трудового Красного Знамени государственного университе-
та.

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор А.А.Долинина.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук З.Н.Ворожейкина,
доктор филологических наук В.В.Лебедев.

Ведущее учреждение - Военный Краснознаменный институт.
Защита диссертации состоится "28" декабря 198 9 г.
в 16 час. 30 мин., на заседании специализированного со-
вета Д 063.57.38 по защите диссертаций на соискание ученой
степени доктора наук при Ленинградском государственном уни-
верситете (199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9).

С диссертацией можно ознакомиться в Библиотеке
им.А.М.Горького Ленинградского государственного университе-
та.

Автореферат разослан "22" ноября 198 9 г.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат филологических наук Г.Е.Рачков.

Арабская классическая литература, в создании которой
принимали участие представители многих народов, - явление
всемирно-исторического масштаба. Интерес арабов к своему ку-
льтурному наследию вызвал к жизни многие исследования как в
арабском мире, так и за его пределами. Особенно умножились
такие работы в последнее время.

Россия немало почерпнула из культуры Востока вообще и
из арабской литературы в частности. О важности установления
таких межлитературных связей часто упоминается в сочинениях
И.Ю.Крачковского ("Очерки по истории русской арабистики",
"Источник "Витязя буленого коня" и других восточных повес-
тей О.И.Сенковского", Русские писатели в арабской литературе
и мн. др.).

В наши дни работа в этом направлении продолжается, одна-
ко в советской арабистике сейчас преобладают исследования,
посвященные вопросам восприятия арабами нашей литературы.
Между тем не менее важными представляются проблемы, связан-
ные с проникновением арабских литературных памятников в рус-
скую литературу и способами воссоздания художественного и
эмоционального эффекта, который возникает у читателя подлин-
ника, воспитанного на соответствующих литературных традици-
ях.

Пока не затрагиваются эти проблемы и в общих работах по
истории художественного перевода на русский язык, в которых
развитие переводческих концепций тесно увязывается со сменой
направлений и эстетических воззрений, свойственных отечест-
венной литературе каждого конкретного периода.

Очевидно, что изучение проблем воссоздания эстетическо-
го воздействия подлинника в динамике их исторического разви-
тия может дать ценный материал, который, будучи теоретически
оформлен, станет руководством к совершенствованию техники со-
временных переводов, способных обогатить нынешнюю нашу лите-
ратуру. В этом и состоит актуальность данного исследования.

Предметом же его являются две наиболее важные проблемы,
в большой мере определяющие качество любого перевода - пути
передачи национального и жанрового своеобразия подлинника.
Особенно важны эти аспекты для переводов арабской средневе-
ковой прозы, где сильны национально-специфические черты,
жанровые особенности и колорит старины.

Современные работы по теории перевода четко разделились на две линии - литературоведческую и лингвистическую, причем последняя в наши дни стала преобладать над первой. Между тем, лингвистический подход не всегда эффективен при анализе передачи многих стилистических особенностей подлинника - в частности, тех, которые определяют его национальный и жанровый колорит. Поэтому для целей данной работы более подходит литературоведческий метод анализа выбранных переводов.

Задачи исследования состоят в том, чтобы проследить в историко-литературном плане развитие методов передачи национального и жанрового своеобразия оригинала на конкретных образцах - трех переводах "Калилы и Димны" и пяти переводах сказок "1001 ночи", выполненных в разное время. Для этого исследовались следующие аспекты: полнота передачи текста оригинала - купюры и добавления; передача особенностей системы образов; передача синтаксических особенностей и ритма подлинника; передача лексики, фразеологических явлений, понятий, обозначающих реалии национального быта, истории и культуры, а также имен собственных.

В процессе разбора переводов выяснялось, за счет чего преимущественно воспроизводится национальная и жанровая специфика конкретного оригинала в тот или иной период и к каким результатам это приводит.

Научная новизна диссертации состоит в том, что это первая попытка обобщить на историко-литературной основе практический опыт переводческой деятельности арабистов в области арабской классической прозы. Автором выделены четыре периода активизации такой деятельности, дан анализ вызвавших ее причин и характеристика каждого этапа. Выявлены индивидуальные особенности творческой манеры многих переводчиков-арабистов, суммированы их успехи и неудачи, исследованы практические пути передачи национальных и жанровых особенностей арабской классики.

Что касается практической ценности работы, то ее основные положения и выводы могут быть использованы в качестве материала для дальнейших теоретических исследований в области установления типологических межлитературных связей. Они могут также войти составной частью в систему очерков по истории русского художественного перевода, если попытка создания такого рода труда будет предпринята. Конкретные примеры из

работы можно использовать при проведении спецкурсов и спецсеминаров по теории перевода для арабистов. Автором составлена также библиография переводов арабской классической прозы (см. Приложение).

Методологической основой работы являются труды русских, советских и зарубежных ученых по вопросам арабистики, истории литературы, литературоведению и теории перевода - в первую очередь сочинения И.Ю.Крачковского, А.В.Крымского, И.М.Фильштинского, В.М.Жирмуновского, А.В.Федорова, К.И.Чуковского, Г.Гачециладзе, И.Левого и др.

Апробация исследования. Работа выполнена на кафедре арабской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета. Основное содержание диссертации, ее главные положения были изложены на научных арабистических семинарах, конференциях, в статьях, опубликованных в нашей стране и за рубежом. Результаты наблюдений автор также использовал в ряде своих переводов, вышедших в издательстве "Художественная литература".

Структура и основное содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, двух приложений и списка использованной литературы.

В § 1 введения "Цели и задачи исследования" обосновывается актуальность, научная новизна, практическая ценность исследования, характеризуются его цели и задачи и методологическая основа.

В § 2 дается обзор научной литературы по теории перевода - общей и специальной арабистической, рассматривается проблематика переводов в целом, развитие представлений о переводимости, а также вопросы передачи национальной специфики оригинала. Арабистические исследования в области истории и общей теории перевода в настоящее время отсутствуют. Обзор литературы показывает, таким образом, практическую неизученность избранной для исследования темы, а, с другой стороны, демонстрирует наличие определенных теоретических подходов и методов, позволяющих взяться за ее разработку.

В главе I "Обзор переводов арабской классической прозы с конца XIII в. по настоящее время" выделяются и характеризуются четыре этапа активизации переводческой деятельности арабистов.

О переводах в современном понимании можно говорить толь-

но применительно к концу XVIII в., когда в России пробуждается устойчивый интерес к Востоку. Однако первые переводы арабской классики были выполнены с западных языков посредников и поэтому здесь не рассматриваются. Небольшой перевод А.В.Болдырева (1811 г.) открывает первый этап переводов непосредственно с арабского. Ввиду утверждения в русской литературе романтизма с его тягой к необычному, экзотике, в переводах появляется стремление ярче передать национальный колорит и своеобразие жанра. Эти тенденции проследываются и в деятельности учеников Болдырева - И.Г.Конюлева и Д.Н.Ознобихина, но особую силу обретают в переводах цикла "Восточные повести" О.И.Сенковского (1823-1830), высокоопеченных современниками.

С середины XIX в. в переводах арабской художественной прозы наступает спад. Перевод становится уделом арабистов-ученых, которые рассматривают переводимый текст скорее как научный источник, чем как художественное произведение.

Узкую филологическую направленность переводов ученых-востоковедов можно считать основной особенностью второго этапа переводческой деятельности арабистов, приходящегося на последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. (переводы Атака, Рябинина, Розена, Фохта, Крымского). Замкнутость арабистов в своих интересах объясняется как утратой популярности восточной тематики у широких читателей, так и усилением научных тенденций в деятельности окрепшей русской восточной школы в ущерб популяризаторским переводам.

Начало третьего этапа переводов арабской классической прозы - 1920-1930-е годы - связано с деятельностью издательства "Всемирная литература", поставившего цель познакомить широкого читателя с переводами выдающихся произведений мировой литературы.

И.Ю.Крачковский составил в каталоге издательства раздел арабской литературы - этот план, выполнение которого было начато "Всемирной литературой" и продолжено издательством "Academia", не утратил актуальности и в наши дни. Крачковский создал коллектив переводчиков (И.П.Кузьмин, В.А.Эберман, М.А.Салье).

Все переводы этого периода, вышедшие под редакцией Крачковского, отличаются большой тщательностью, основанной на строго научном подходе. Они выполнены в рамках последовательной сис-

темы принципов, не содержат купюр или добавлений, исключено своеволие переводчика. Вместе с тем их тщательность временами перерастает в излишний педантизм.

Переводы 50-60-х годов повлияли на тематику и уровень переводов современного, четвертого этапа, который начинается с середины 50-х годов и совпадает с концом всевластия политической самозолотии нашей страны.

Современный период характеризуется небывалым ростом числа переводов со всех языков и интенсивным развитием специальной литературы по теории перевода.

На современном этапе можно проследить две основных тенденции в переводах арабской классики - это, с одной стороны, развитие академических принципов школы Крачковского, а с другой - полный отказ от традиций, основанных на вольном беллетризованном подходе. Можно сказать, что переводы теперь больше, чем прежде, ориентированы на массового читателя.

Особый всплеск переводов арабской классики отмечается в 70-80-е годы, что, возможно, отражает и возросший интерес самих арабов к своему историческому наследию. В целом, благодаря всем этим переводам, русский читатель имеет возможность познакомиться с образцами арабской классики почти во всех ее жанрах: народные сказки, агаб, макамы и народный роман. Практический опыт переводов уже достаточно велик, и задача современной арабистики в области художественного перевода - не теряя научных традиций выработать принципы "золотой середины", лежащей между двух упомянутых крайних подходов.

Глава 2 "Переводы и адаптации конца XVIII - первой половины XIX в." состоит из трех параграфов.

§ 1. "Предистория переводов с арабского. Переводы А.В.Болдырева и его учеников". Русскую переводческую деятельность в области арабской художественной прозы в XVIII в. мы можем представить себе по хранящейся в МО Архива АН СССР картотеке И.Ю.Крачковского, где как самый ранний значится перевод под названием "Чрезвычайность в добродетели" (1758 г.), выполненный с немецкого. Большинство подобных рассказов отличается назидательная тематика, отражающая интерес к ней русских читателей просветительской эпохи. Мода на псевдовосточный стиль попавших в эту орбиту переводов отражается в их преувеличенной экзотике. В это время появляется и множество

фантазий на восточные темы, стилизованных под переводы.

Первый перевод непосредственно с арабского принадлежит Болдыреву, опубликованному в 1811 г. в журнале "Вестник Европы" около двадцати арабских афоризмов - "Нравоучительные изречения". Анализ показывает точное, но не буквальное следование переводчика оригиналу. Найден верный чуть приподнятый стиль. На первом плане стоит передача смысла с соблюдением норм русского языка. Переводчик, когда считает нужным, перестраивает синтаксис предложений. Лексические значения подобраны не на уровне прямых словарных соответствий, но сообразно смыслу и стилю.

Представление о манере переводов ученика Болдырева Н.Т. Коноплева в 1825-26 гг., дает отрывок из рассказа "Кончина Джафара". Стиль перевода прост, чуть стилизован под старину. Нет стремления особо выделить национальное своеобразие подлинника, основное - передача смысла. Предложения краткие, их синтаксис прост и не расходится с русскими нормами. Нет заимствованных слов, и даже понятие - хадж, - переведено "поклонение в Мекке". В переводе не отмечаются ни буквализмы, ни случаи стилистического разнобоя.

§ 2. "Переводческая деятельность О.И. Сенковского".

По-настоящему о крупных литературных переводах с арабского можно говорить только применительно к деятельности О.И. Сенковского. Особой заслугой Сенковского, по словам И.О. Крачковского, является то, что он сумел направить характерную для романтизма моду на псевдовосточный стиль "в русло подлинного восточного материала"¹. В 1823-1830 гг. он публикует в различных изданиях цикл "Восточных повестей".

Первый перевод Сенковского - рассказ "Бедуин" довольно близок к тексту, но уже в "Витязе буланого коня" заметно желание переводчика несколько расцветить оригинал, существенно изменена концовка рассказа, в духе канонов европейского романтизма. В другом рассказе "Урок неблагодарным" добавлены назидательные сентенции. В подобных изменениях сказывается желание автора угодить читательским вкусам.

Апофеозом переводческой вольности Сенковского становится повесть-фантазия "Антар". Принято считать, что это совершенно оригинальное произведение. Однако, проведенное сопос-

¹ Источник "Витязя буланого коня..." // Избр. соч. Т. I. С. 227.

тавление показывает, что Сенковский в действительности использовал материал "Сират Антар", подвергнув его значительной переработке, также в романтическом духе, художественные образы и средства в основном заимствованы из классической арабской поэзии с включением элементов персидской мифологии.

Многие на первый взгляд лягусы, имеющиеся в повести, путаница в именах и хронологии и пр. могут быть плодом сознательной мистификации автора. Например, такой образ, как "Антар... - тенистый кипарис гостеприимства". (Известно, что кипарис дает плохую тень и часто высаживается для ограды кладбищ).

Переводы и импровизации Сенковского являются характерным отражением как необычной личности самого автора с его эклектическими взглядами, так и типичных воззрений его эпохи на художественный перевод. Несомненно, что он сделал для развития ориентализма в русской литературе XIX в. больше, чем все прочие современные ему арабисты.

§ 3. "Переводы макама аль-Харири". Во второй половине 1820-х годов в тематике переводов появляется новый предмет - макамы аль-Харири, требующий нового уровня мастерства ввиду важности передачи изощренной формы, саджа, игры слов и т.п.

Коноплев, переводчик "7-й макамы: Баркаидской" (1832) не рискует воспроизвести структуру саджа, стихотворные вставки переданы прозой, стиль перевода тяжелый. Удачен подбор ряда фразеологических соответствий, например: "лишняя опиза в колеснице" вместо арабского выражения - "третий камень у очага", т.е. лишний в быту у бедуина. В примечаниях даны полезные сведения об аль-Харири, композиции его макама, значения слов "сунна", "мосалла", "хотба" и др.

С той же добросовестной педантичностью выполнены И.Н. Холмогоровым более поздние переводы "3-й" и "9-й" макама (1877 и 1885 гг.). Налицо один и тот же подход, при котором воздействие более направлено на ум, нежели на душу читателя.

Принципиально другой метод демонстрируют два более ранних перевода из аль-Харири: "Караван" (12-я макама, Дамасская) (1826 г.), и "Золотая монета" ("3-я макама") (1830 г.). Первый подписан псевдонимом "Делибюрадер", второй - просто буквой "Д".

"Караван" передан нерифмованной прозой, но определенная ритмизация сохранена. Переводчик не заменяет арабскую фразео-

логию русской, но старается ввести ее в язык, сопровождая в трудных случаях пояснениями. Поэтические вставки переведены стихами. Как установлено, перевод принадлежит Д.П.Ознобишину.

Перевод "Золотой монеты" по качеству много выше, чем предыдущий, и выполнен рифмованной прозой – первая попытка воспроизведения саджа. Переводчик не злоупотребляет дословностью арабской фразеологии, но находит ей яркие русские соответствия. Три поэтических отрывка даны в стихах с соблюдением арабского монорима. Перевод изящен и может быть признан наиболее эстетичным среди других переводов аль-Харири в XIX в. Есть основания предполагать, что авторство его принадлежит не Ознобишину, как это принято считать, а Сенковскому.

Глава 3. "Переводы "Калилы и Димны". Для подробного анализа были взяты 3 перевода "Калилы и Димны"^I, относящиеся ко второму, третьему и современному четвертому периодам переводческой активности и выполненные по разным изданиям.

Для сравнения выбирались только те случаи, где смысловое сходство подлинников представлялось несомненным. Основной упор делался на вопросы передачи национального и временного колорита, т.е. более всего на вопросы стиля.

Общая направленность перевода Р. на филологически точную передачу проявляется в частом копировании арабских синтаксических конструкций. Это создает определенное ощущение иноязычной экзотики, но в то же время утяжеляет стиль повествования, отличающийся в подлиннике несомненным изяществом, и делает речь не вполне русской. Такой прием мало способствует передаче колорита подлинника.

В переводе К. для этой цели используется сохранение собственного арабскому языку порядка слов, создавшее известную архаизацию: вынесение вперед глагола, помещение прилагательного после существительного и т.п.

Перевод Ш. особенности синтаксиса оригинала никак не от-

^I 1) Книга Калила и Димна. Пер. И.О.Атсеи и М.В.Рябинина. М., 1889.
2) Калила и Димна. Пер. И.О.Крачковского и И.П.Кузьмина. М.; Л., 1934.
3) Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна. Пер. Б.Я.Шницар. М., 1936.

Далее для краткости соотв.: перевод Р., К. и Ш.

ражает и звучит легче.

Рифмованная проза – существенный элемент стиля Ибн аль-Мукаффы – в переводах Р. и К. принципиально не передается. А в переводе Ш. в этом отношении нет последовательности: как правило, рифма воспроизводится только в пословицах и афоризмах; при этом часто появляются очень вольные и пространные эквиваленты. Сравним, например: *انما السلطان باصحابه كالبحر بامواجه* "Султан со своими приближенными подобен морю с волнами" (Р.) "Властитель со своими приближенными подобен морю с волнами его" (К.) "Царь играет своими приближенными и друзьями, как морские волны кораблями" (Ш.).

Анализ используемых лексических средств подтверждает узкую научно-филологическую направленность перевода Р. – обычно берется лишь первое, основное значение слова без учета его стилистической окраски в контексте; большое число западно-европейских заимствований – модернизмов вносит в стиль диссонанс, например: "оппозиция", "апартаменты", "цистерна", "аргумент" и т.п.

Перевод К. в этом плане корректнее, выбор лексики точен, ее окраска соответствует жанру произведения, случаи стилистического разнобоя очень редки.

Перевод Ш. более свободен в отношении выбора лексики, что обусловливается его ощутимой популярной направленностью. Часто используется разъясняющий описательный перевод. Одновременно, заметно стремление к сильной архаизации лексики (например: "врата", "стезя", "очи", "лик", "плевелы" и т.п.). Характерно для перевода Ш. и большое количество слов, переданных методом транслитерации: "шатрандж", "барид", "шайтан", "адаб".

Фразеологизмы в переводе Р. чаще всего передаются буквально, без учета литературных норм русского языка. Такие буквализмы имеют ложный колорит искусственной конструкции, но не отражают своеобразия подлинного явления. Переводчик не использует русских фразеологизмов – эквивалентов.

В переводе К. фразеологизмы в основном передаются описательно, и многословие снижает их афористичность. Изредка встречаются попытки их дословного воспроизведения, но русская норма, как правило, соблюдена, буквализмы редки. Похоже, однако, что переводчик не стремится оттенить колорит фразеологии: переданные сочетания по большей части стилистически

нейтральны. Редко как соответствия используются русские фразеологизмы.

В переводе Ш. больше внимания уделено литературному оформлению таких словосочетаний, смысл которых чаще всего передан очень свободно с возможным изменением образа. Встречаются и добавления, не содержащиеся в оригинале, как смыслового, так и формального порядка - например, рифма. Большой акцент делается на воспроизведение колорита старины, чем национального, восточного. Есть случаи стиливого разнобоя. Русские фразеологизмы - эквиваленты переводчика не использует, зато часто можно встретить "ложные" фразеологизмы, т.е. образные русские обороты при отсутствии стилистических соответствий в подлиннике.

Сравним:

1) اهل الراى - "люди рассудка" (Р.) - "умные люди" (К.) - "прозорливые помощники" (Ш.).

2) من لم يركب الاهوال لم ينل الرفائى
 "Кто не едет верхом на ужасах, тот не добьется своих желаний" (Р.).
 "Кто не бросается на опасности, тот не достигает желанного" (К.).
 "Кто боится рисковать, тому удачи не видать" (Ш.).

Обороты вежливости и пожелания, часто имеющие религиозную окраску, все три перевода передают в основном верно, с сохранением колорита.

Говоря о реалиях, следует иметь в виду, что исконно индийский их колорит давно утратился, пройдя через двойной перевод. Отчетливого арабского колорита реалии также не приобрели, поскольку рассказываемые в книге истории имеют мало общего с арабской реальностью - это по большей части притчи о животных. Поэтому основной характеристикой должен стать колорит старины и, где это требуется, восточный, но не конкретизированный. Метод транслитерации реалий во всех трех переводах не получил распространения. Чаще встречается перевод понятия, и здесь у переводчиков наблюдаются стилистические и реже смысловые различия. В переводе Р. часто игнорируется временной колорит, что приводит к диссонансам в стиле. В переводе К. национальная окраска чаще всего нейтральна, временной колорит оттенен не всегда, но в целом стиливого выпадения реалий из контекста не наблюдается. В переводе Ш. больше

свободных соответствий, колорит старины подчеркивается сильнее, больше и случаев транслитерации реалий.

Сравним: حاجب - "церемониймейстер" (Р.) - "царский дворецкий" (К.) - "хаджиб" (Ш.).

الزمازمة - "маги" (Р.; К.) - "жрецы, служители храма огня" (Ш.).

Глава 4 "Переводы сказок "1001 ночи"" посвящена анализу пяти переводов сказок цикла "1001 ночи", отражающих переводческие концепции третьего и в особенности четвертого периода¹.

Сказки "1001 ночи", хотя и обязаны происхождением нескольким культурам, приобрели в процессе их переработки арабскими сказителями подлинно арабское своеобразие. Язык сказок упрощенно-литературный, близкий к современному, без излишней архаизации.

§ I. "'1001 ночь" в переводе М.А.Салье". Перевод С. обладает тем преимуществом, перед более ранним переводом В.А. Эбермана (см. § 2), что это первый полный опубликованный перевод, прошедший соответствующую редакторскую обработку. И все прочие переводы целесообразно сравнивать именно с ним, условно принимая его за эталон. Основное достоинство перевода С. состоит в его полноте, отсутствии украшательства и купюр. Нет в переводе и искажений идейного или идеологического порядка. Общая установка переводчика - формально-точная передача, сохранение "неприкосновенного облика арабского текста". Перевод С. был и остается единственным, который может претендовать на научность. Формально-точный метод Салье обеспечивает в большинстве случаев и смысловую верность. Воспроизведе-

¹ 1) Тысяча и одна ночь. Пер. М.А.Салье. Л., 1958-1959.

2) Эберман В.А. Избранные сказки из "1001 ночи". Пер. под ред. И.Ю.Крачковского. Автограф и машинопись. 1931 //Архив ЛО АН СССР. Ф. 1036. Оп. II. Ед.хр.7.

3) Сорок невольниц. Пер. Н.Османова и Д.Юсупова. М., 1962.

4) Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде. Пер. Р.Алиева и Д.Юсупова. М., 1976.

5) Средневековые арабские повести и новеллы. Пер. Р.М.Алиева. М., 1982.

Далее для краткости соотв. переводы: С.; Э.; О., Ю.; А., Ю.; А.

денне в переводе арабских лексических и синтаксических особенностей создает ощущение иноязычного колорита. Салье удалось создать особый язык перевода, который имеет в глазах многих читателей своеобразное обаяние. Однако такому методу свойственны и определенные издержки.

Длинные предложения не отражают легкости языка народных сказок. Копирование арабского синтаксиса и в особенности семитского многосоюзия создает оттенок ненужной архаизации, вызывая в памяти переводы библейских текстов. Например: "И я осматривал острова и то, что на них было, и однажды я остановился у моря и вдруг приблизился большой корабль..." (С.). К тому же такой подход обедняет выбор грамматических средств русского языка. Буквальность передачи влечет в ряде случаев и нарушение образной системы или логики развития замысла, выбор неверного лексического эквивалента и т.д. Например:

ضحكت في وجهه - "она засмеялась ему в лицо" (С.), а правильно - "обрадовалась".

Салье склонен выбирать лишь основные словарные значения слов, пренебрегая синонимами. Поэтому не по-русски звучат такие, например, сочетания как: "ехать на корабле" (вместо "плыть"); "положить веревку на шею" (вместо "накинуть"); "конь закричал" (вместо "заржал") и т.д.

Для воссоздания восточного колорита большой интерес представляет эксперимент Салье по смелому внедрению арабской фразеологии через ее дословный перевод. Иногда возникает необычайный, но понятный образ ("его ум улетел от страха", "его глаз прокладился"), но иногда и неясный ("на голове и на глазах" - в смысле - "слушаюсь"). Переводчик не пытается подобрать русских фразеологических соответствий. Салье часто разлагает даже привычное приветствие السلام عليك, переводя его как "Мир тебе!", сознательно вводя оттенок экзотики в совершенно нейтральный для араба оборот. Такой метод хорош для передачи оборотов, содержащих религиозный элемент или не имеющих русских аналогов, но некоторые из них, вполне обыденные для араба, по-видимому, лучше было бы заменить на нейтральные русские эквиваленты.

Большую часть реалий Салье оставляет без перевода, естественно вводя их в текст и иногда сопровождая сноской-комментарием. Справедлива транслитерация и в отношении арабских мер длины и веса. Названия профессий, не имеющих узкой нацио-

нальной специфики, обычно переведены. Например: "везир", "изар", "джинн", "ритль", но "красильщик", "мостательщик" и т.д.

Особую сложность представляет передача стихотворных отрывков. Отказавшись от передачи арабского монорима, Салье попытался сохранить размер стихов. В его переводе стихотворные отрывки читаются тяжело и не создают нужного эстетического эффекта, как в подлиннике.

§ 2. В.А.Эберман как переводчик "1001 ночи". В.А.Эберман, известный как толкий исследователь арабской поэзии, начал свой творческий путь с исследования и перевода "1001 ночи". Этот перевод готовился для издательства "Всемирная литература", но по каким-то причинам публикация не состоялась.

В работе Эбермана, как и у Салье отразилось стремление к буквальному воспроизведению элементов формы, основанное на убеждении, что чем полнее они будут переданы, тем лучше читатель ощутит подлинный арабский стиль сказок. Однако перевод С. отрецензирован более тщательно - в нем нет, например, таких модернизмов, как в переводе Э. "маклер", "контракт", "полицейский". Зато Эберман часто более внимательно к стилю. Ритм его перевода иной: он не считал нужным слепо копировать арабский синтаксис.

Сравним: "Затем рыбак вернулся с ним к воде и забросил сеть. Подождя немного, он потянул веревку и притянул сеть к себе. В сети оказался запертый сундук, тяжелый на вес. (Э.).
"И он возвратился с ним к реке и закинул сеть и подождал, а потом он потянул за веревку и вытесил сеть, и в сети оказался запертый сундук, тяжелый весом. (С.).

Поэтические отрывки Эберман переводит стихами, стараясь передать размер, и, где возможно, монорим. Сравнивая оба перевода, можно сделать вывод, что Салье в своей работе не использовал труды предшественника. Общая установка на буквальный передачу текста объясняется принципами, принятыми как в издательстве "Всемирная литература", так и в издательстве "Academia", а также редактурой Крачковского.

§ 3. "Сорок невольниц". Современный этап активной переводческой деятельности арабистов начинается с 60-х годов с выходом сборника "Сорок невольниц". В основу перевода по-

жен очень близкий к "1001 ночи" анонимный сборник, содержащий более раннюю запись этих сказок.

Для подробного анализа были выбраны две истории: "Рассказ об Абу Мухаммеде Ленивце" в переводе Осупова и "Рассказы шестерых нищих" в переводе Османова. Обе сказки имеют очень близкие аналогии в "1001 ночи", что делает возможным их сравнение с переводом С.

Случаев добавления или пропусков в переводах крайне мало. Очевидные смысловые ошибки также очень редки.

Оба переводчика весьма внимательны к передаче, где это возможно, особенностей арабского синтаксиса, обыгрывая их колорит, но избегая при этом формалистических издержек метода Салье. Снижает национальный колорит подлинника заведомый отказ от попытки передать вставки рифмованной прозы. Попытки воспроизведения просторечия носят в основном случайный характер.

В вопросе выбора лексических средств переводчики не грешат, подобно Салье, "экзотикой" буквальных соответствий, но исходят из смыслового и стилистического контекста. Например: دار الخليفة - "дворец халифа", но دار مرحب - "дом Мархаба" (купца). Недочеты, связанные с подбором лексики, немногочисленны и носят стилистический характер.

При передаче фразеологических переводчики, избегая буквализмов, во многих случаях сохраняют колорит арабских выражений. Например: قرة عيني - "свет моих очей" (вместо "прохлада моего глаза"). Представляет интерес использование русской фразеологии в ряде случаев, где в оригинале фразеологизмы отсутствуют.

Экспрессивные выражения - клятвы и просьбы - переведены буквально, с сохранением колорита.

В методе передачи реалий и имен собственных переводчики во многом близки принципам Салье.

Немногочисленные поэтические отрывки переданы стихами без попыток передачи монорима и размера.

§ 4. "Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде". Этот сборник содержит переводы ряда сказок из "1001 ночи", изданной в 1960 г. в Каире. Можно предположить, что ее арабский текст идентичен Булакскому изданию. Для сравнительного анализа выбирались случаи, когда совпадение текстов не вызвало сомнения.

Подробно был рассмотрен перевод "Повести о Харун ар-Ра-

шиде и Абу Мухаммеде Ленивце" в переводе Алиева в сопоставлении с переводом С. Перевод А. отличается простотой и легкостью языка, но не всегда точен. Разбивка текста на более короткие предложения создает иной, более динамичный, чем у Салье, ритм. Для метода переводчика типично упрощение арабских синтаксических конструкций, которые передаются весьма свободно и без всякой системы.

Как и Салье, Алиев отказывается от передачи ритма саджа. В ряде случаев он пытается воспроизвести просторечие, но делает это неудачно, смешивая разные стили.

При выборе лексических эквивалентов Алиев использует гораздо более широкий диапазон синонимов, чем Салье. Например: قرد - обезьянка, мартышка, зверек, животное, у Салье только "обезьяна". Вместе с тем можно встретить случаи неточных лексических соответствий, например: صدر القاعة - "середина комнаты" (правильно - "видное, почетное место"); شرايف - "балконы" (правильно - "зубчатая стена").

При передаче фразеологических сочетаний переводчик также проявляет большую изобретательность, чем Салье, находя им, как правило, русские соответствия, звучащие более привычно, хотя в ряде случаев не добивается передачи колорита и ясности смысла. Например: توفى الى رحمة الله تعالى - "приобщился к милости господу всевышнего", т.е. "умер".

Реалии переданы в основном согласно традиции, установившейся в арабистике, однако, встречаются смысловые ошибки: شريف - "старшина купцов" (А.), правильно - "шериф".

Стихотворные отрывки даны с очень приблизительной передачей размера и за редким исключением без ритма.

В переводе не отразились какие-либо четкие теоретические принципы. Цель очень вольной литературной обработки перевода очевидна: сделать текст более выразительным, динамичным и приятным для чтения за счет больше свободы выбора лексических и синтаксических эквивалентов, субститутов и добавлений. Подход к переводу Алиева, возможно, более, чем у Салье, соответствует требованиям, предъявляемым к развлекательному чтению. Но вряд ли он приемлем для переиздания всех сказок "1001 ночи" на серьезном уровне.

§ 5. "Средневековые арабские повести и новеллы". Сборник, вышедший в 1982 г., представляет самую свежую попытку перевода отдельных сказок "1001 ночи". Перевод выполнен Р.М.Алиевым.

"не по каноническому тексту цикла, а по рукописным вариантам, имевшим хождение на Востоке", как говорится в аннотации к сборнику. "Рукописные варианты", по всей видимости, близки к общеизвестному Булакскому изданию, что сделало возможным сравнение данного перевода с переводом С. Для рассмотрения брались те отрывки, где совпадение оригиналов представлялось несомненным.

Для анализа была выбрана "Повесть о царе, царевиче, везирах и невольнице"; в переводе С. — соответственно "Рассказ о царевиче и семи везирах".

Принципы переводчика не претерпели существенных изменений по сравнению с его предыдущей работой. В некоторых случаях можно отметить большее внимание к точности передачи смысла и достижениям предшественников (элементы метода Салье), что обычно положительно влияет и на передачу колорита.

Более длинные предложения, чем в "Подлинных историях", создают более плавный ритм, не вызывая в то же время излишней монотонности, как у Салье. Можно отметить большее разнообразие синтаксических и лексических средств.

Сильно страдает своеобразие стиля из-за игнорирования в переводе рифмованной прозы (из всех переводчиков "1001 ночи" только Эберман счел нужным ее передать).

В своем переводе Алиев использует, как правило, другой стилистический пласт лексики, чем Салье — более современный и привычный, с меньшим числом архаизмов; часто берет не первое основное и формальное значение слова, но синоним, иногда даже отсутствующий в словарях.

Сравним: حبس - "арестовать" (А.) + "заточить" (С.);
قتل - "казнь" (А.) + "убиение" (С.).

При передаче фразеологических сочетаний Алиев не переводит их дословно, однако проявляет больше внимания к воссозданию их колорита, чем в предыдущем своем переводе.

Стихотворные отрывки (в отличие от "Подлинных историй") переданы без рифмы и без видимой имитации размера.

Таким образом, "Средневековые арабские повести и новеллы" это шаг вперед по сравнению с "Подлинными историями". В этом переводе лучше прослеживаются определенные теоретические установки. Он содержит меньше стилистических погрешностей, чем "Подлинные истории", и легче для чтения, чем перевод "1001 ночи" Салье. Вместе с тем, он уступает последнему в тща-

тельности подхода и четкости теоретических установок и потому не отвечает современным критериям, предъявляемым к научному переводу.

Подводя итоги анализа пяти переводов, можно сказать, что переводы Салье и Эбермана построены на общих принципах школы Крачковского, Им присущ определенный академизм, стройная система научного подхода. Восточный колорит получает отражение в основном за счет копирования арабского синтаксиса и фразеологии.

Перевод "Сорока невольниц" в какой-то мере продолжает традиции перевода Салье, избегая многих его формалистических издержек.

Дальнейшие переводы не демонстрируют последовательной системы подхода, отражая общую склонность к беллетризации текста в расчете на широкого читателя.

В заключении кратко излагаются основные итоги проведенного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Джирджи Зейдан. Аль-Амин и аль-Мамун. (Пер. с арабского). Л., 1977.
2. Два перевода "Калилы и Димны" на русский язык. Л., 1978. Дел. в ИНИОН АН СССР. № 2464 от 16/УШ-78. 15 с.
3. Амин ар-Рейхани. Вне стен гарема. (Пер. с арабского). //Арабская романтическая проза. Л., 1981. С. 98-174.
4. Ибн Кутейба. Избранные сообщения. (Пер. с арабского). //Восходы лун на стоянках веселья. Л., 1983. С. 20-40.
5. Повесть О.И.Сенковского "Антар" и ее эпический прототип //Тез. докл. IV Всесоюз. школы молодых востоковедов. Т.2. Литературоведение. М., 1986. С. 18-19.
6. В.А.Эберман как переводчик "1001 ночи" //Тез. докл. X Объед. науч. сессии кафедр арабской филологии университетов СССР. Тбилиси, 1988. С. 14-15.
7. Произведения арабской классической литературы в русских переводах. (На ар. языке) //Газета "аль Ахрар" (Ливан). 23 июля 1988 г.
8. Советские читатели знакомятся с арабским культурным наследием. (На ар. языке) //Газ. "аль-Байрак" (Ливан). 27 июля 1988 г.
9. Макамы аль-Хамадани на русском языке. (На ар. языке)